

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Избранное

Александр Валентинович Амфитеатров

Чудодей

«Макса, то есть Максимилиана Александровича, Волошина я знал хорошо, близко, дружески (несмотря на разницу наших лет) в его парижские молодые дни. В течение двух лет он прикатывал к нам на виллу Монморанси почти ежедневно, редко пропуская день-другой. Тогда это был самый жизнерадостный и общительный молодой человек из всей литературно-артистической богемы не только русского (с ним Макс, пожалуй, меньше знался), но и «всего» Парижа. Цвел здоровьем телесным и душевным и так вкусно наслаждался прелестью юного бытия, что даже возмущал некоторых...»

**Александр Валентинович
Амфитеатров
Чудодей**

Макса, то есть Максимилиана Александровича, Волошина я знал хорошо, близко, дружески (несмотря на разницу наших лет) в его парижские молодые дни. В течение двух лет он прикатывал к нам на виллу Монморанси почти ежедневно, редко пропуская день-другой. Тогда это был самый жизнерадостный и общительный молодой человек из всей литературно-артистической богемы не только русского (с ним Макс, пожалуй, меньше знался), но и «всего» Парижа. Цвел здоровьем телесным и душевным и так вкусно наслаждался прелестью юного бытия, что даже возмущал некоторых.

– Помилуйте! – восклицала М. А. Потапенко (супруга знаменитого романиста). – На что похоже? Мужик – косая сажень в плечах, борода – как у разбойничьего есаула, румянца в щеках достаточно на целый хоровод деревенских девок, и голос зычный – хоть с левого берега Сены на правый кричать. А говорит все о мистицизме да об оккультизме – и таким гаснущим шепотом, словно расслабленный и сейчас пред вами умрет и сам превратится в привидение. Даже не разберешь в

нем, что он – ломается, роль на себя напустил, или бредит взаправду? Чудодей какой-то!

В парижском обществе (кого только Макс в нем не знал и к кому только не был вхож!) Волошин был известен под кличкой «Monsieur c'est fres interessant!»[1]. От его манеры откликаться этой фразой, произносимую неизменно в тоне радостного удивления, решительно на всякое новое известие. Это восклицание действительно хорошо – цельно – определяло тогдашнее существо: воплощенную жажду жизни, полную кипения и любопытства бытопознания.

Помню курьезный вечер. Бывала у нас, так же, как Макс, ежедневно Ольга Комиссаржевская, сестра знаменитой Веры Федоровны, несколько на нее похожая, воительница «на усовершенствовании» и тоже, как Макс, мистичка, к оккультизму склонная. Но – полная противоположность Максиму и по наружности, ибо бледностью, худобою и траурным одеянием действительно немного походила на привидение, и, в особенности, по настроению: воплощенное уныние, недовольство, жизнью, испуг пред сложною загадкою бытия.

И вот однажды они, по обыкновению, у нас, но я занят, жена занята, – остались они вдвоем. Говорить им, по полярному разобщению натур, решительно не о чем. Ольга – Гераклит, в черном хитоне с воскрылиями, – мрачно затискала свое слабое тельце в угол дивана. Волошин – дюжий Демокрит, велосипедист в бархатной куртке и шароварах шириною с Черное море – бродит по гостиной, светло улыбаясь каким-то своим неведомым, но радужным мечтам. Молчание длится минут пятнадцать. И вдруг слышу – печальный, не без оттенка презрительного негодования, хрустальный звон:

– Вы... всегда так довольны собой?

И – патетический ответ сочного баритона:

– Всегда!

– Как это странно!

Я покатился со смеху: уж очень комичен был контраст. Комиссаржевская ужасно обиделась. Волошин нисколько. Его было очень трудно обидеть, по крайней мере, обидой реальной.

Но однажды он дрался на дуэли с Гумилевым – за насмешки Гумилева над его фанта-

стической влюбленностью в фантастическую графиню Черубину де Габриак. Такой графини никогда не бывало на свете, но под этим звонким псевдонимом, ловким кокетством по телефону, перекутила и перевлюбила в себя сотрудников «Аполлона» лукавая литературная авантюристка, к слову сказать, оказавшаяся, когда ее обличили, на редкость безобразною лицом. И вот из-за этойкой-то «незнакомки-невидимки» стрелялись два поэта! Правда, уж и дуэль была! Над калошей, забытой на месте поединка которым-то из дуэлянтов, фельетонисты и юмористические листки потешались не один год.

Заочный роман с небывалой графиней – наилучший показатель основной черты в характере М. Волошина, я назову ее «воображательством». Он был честен, правдив, совершенно неспособен обманывать умышленно, лгать сознательно. Но в нем жила непреодолимая потребность «воображать» – и, совсем вразрез с его жизнерадостью, воображать по преимуществу что-нибудь жуткое, сверхъестественное, мистическое. Воображал же он с такой силой и яркостью, что умел убеждать

в реальности своих фантазий и иллюзий не только других, но и самого себя, что гораздо труднее. Как-то раз я попросил его показать мне «ночной Париж». Он очень серьезно отвечал, что его любимая ночная прогулка – на Иль де Жюиф[2].

– На Иль де Жюиф? Да что же вы там делаете? На нем и днем-то ничего интересного нет.

– Я слушаю тамплиеров[3].

– Каких тамплиеров?

– Разве вы не знаете, что 11 марта 1314 года на Иль де Жюиф были сожжены гроссмейстер Жак де Малэ со всем капитулом ордена тамплиеров?

– Знаю, но что же из этого следует?

– В безмолвии ночей там слышны их голоса.

– Да ну?

– Помилуйте, это всем известно.

– И вы слышите?

– Слышу.

– С чем вас и поздравляю.

Обыкновенно «воображательство» Макса было невинно и даже занимательно: в обществе он был очень приятным человеком и

рассказывал увлекательно. Но иногда его твердая вера в свои фантазии вводила людей, имевших с ним дело, в положения весьма щекотливые.

Умирала тогда в Париже Русская Высшая Школа Социальных наук, основанная М. М. Ковалевским. По отъезде его в Россию заведовал школою некоторое время я. Дела школы шли ужасно плохо, средств не было, профессора переругались, лекторов не хватало, слушатели злились. В этакое-то безвременье М. Волошин однажды предлагает мне прочитать лекцию на тему «Предвидения и предсказания Французской революции»[4]. Я обрадовался: тема как раз по нашей аудитории, которая по своему революционному настроению никакой истории и слушать не хотела, если в ней не было «предвидений и предсказаний» из революций прошлых для будущей революции в России... Я знал, что Волошин обстоятельно изучал эпоху, а что изложение будет блестящим, в том, при его таланте и прекрасном русском языке, какое же могло быть сомнение?

Ох, оно и вышло блестяще! Но – как Макс

за этот блеск не был освистан или обработан как-нибудь еще хуже, я и сейчас недоумеваю.

Взобрался чудодей на кафедру и – перед двумя сотнями меньшевиков, большевиков и эсеров, сплошь овеванных духом «исторического материализма», – давай дерзновенно рассказывать... спиритические анекдоты, вроде видения Казота, – «бабьи басни», одна фантастичнее другой... В зале смех, перешептывание, язвительные возгласы. Я сижу, как на иголках, ежеминутно ожидая скандала. Однако Бог миловал; под конец Волошин вернул свои красивые стихи «Народу русскому»[5], и ничего, сошло: за эффектный стихотворный финал ему даже похлопали. Но мне студенческий комитет устроил сцену, язвительно осведомляясь – какое отношение имеют подобные лекции к социальным наукам и намерен ли я допускать их впредь.

Пришлось извиниться за «недоразумение», а с Максом иметь объяснение, которое я намеревался выдержать в тоне лютом, но он обезоружил меня кроткою невозмутимостью: решительно не понимаю, мол, в чем прегрешил.

– Да в том, что вместо исторической лекции вы битый час морочили публику заведомым вздором.

– Извините, я никого не морочил и никакого вздора не говорил.

– Ну уж это, Макс, вы рассказывайте кому-нибудь другому, а я оккультную литературу знаю и могу, хоть сейчас, указать вам, откуда какой свой анекдот вы заимствовали.

– Я и не отрицаю, что мои факты (а не анекдоты, как вы называете) давно известны, но я проверил их по новым непреложным источникам и воспользовался случаем публично их подтвердить.

– Желал бы я видеть эти ваши новые непреложные источники.

– К сожалению, это невозможно.

– Так я и знал. Однако почему?

– Потому что мои источники не печатные, не письменные, но изустные.

– Что-о-о?!

– Ну да, я их черпаю непосредственно из показаний двух очевидиц Французской революции, игравших в ней большую роль.

– Бог знает, что вы говорите, Макс!

– Уверяю вас, Александр Валентинович.

– Сколько же лет этим вашим раритетам и где вы их достали?

– Здесь, в Париже, а по возрасту – королева Мария Антуанетта родилась в 1755 году, значит, ей сейчас 151 год, принцесса Ламбаль в 1749-м, ей – 157...

– Ах, вот какие у вас источники?! Понимаю. Извольте увлечься медиумическими сеансами с вызыванием знаменитых покойниц? Макс, Макс! И не конфузно вам выдавать такую ерундовую спиритическую болтовню за исторические свидетельства?

Он – с совершенным спокойствием:

– Вы ошибаетесь: мне нет надобности в медиумических сеансах. Я просто время от времени прошу аудиенции у Ее Величества Королевы или делаю визит Ее Высочеству принцессе, и тогда они сообщают мне много интересного.

Смотрю ему в глаза: не пора ли тебя связать, друг любезный? Нет, ничего, ясные. И не замечается в них юмористического огонька мистификации: глядят честно, по сторонам не бегают и не столбенеют, – та или другая

примета, обязательная для вралей. А Макс продолжает:

– Ведь они обе уже перевоплощены. Мария Антуанетта теперь живет в теле графини X, а принцесса Ламбаль в теле графини З. (Назвал две громкие аристократические фамилии с точным указанием местожительства.) А если вас вообще интересуют перевоплощенные, то советую познакомиться с графиней Н. Она была когда-то шотландскою королевою Марией Стюарт и до сих пор чувствует в затылке некоторую неловкость от топора, который отрубил ей голову. В ее особняке на бульваре Распайль бывают премилые интимные вечера. Мария Антуанетта и принцесса Ламбаль очень с нею дружны и часто ее посещают, чтобы играть в безик[6]. Это очень интересно.

Что это было? Легкое безумие? Игра актера, вошедшего в роль до принятия ее за действительность? Все, что угодно, только не шарлатанство. Для него Волошин был слишком порядочен, да и выгод никаких ему эти мнимые «шарлатанства» не приносили, а напротив, вредили, компрометируя его в глазах многих не охотников до чудодейства и чудо-

деев.

Кем только не перебивал чудодей в своих поисках проникновения в сверхчувственный мир? Масон Великого Востока, спирит, теософ, антропософ, возился с магами белыми и черными, присутствовал при сатанических мессах, просвещался у иезуита Пирлинга[7]. Окультные сцены и лица, особенно парижские, в моих «Сестрах» (повесть «Сестра Елена»), а отчасти во «Вчерашних предках»[8] на добрую треть зарисованы с рассказов и показов М. Волошина. Отношение его ко всем этим кругам, в которые он, ненасытно любопытный, нырял со своим «Это очень интересно», было зыбкое: иной раз не разобрать, то ли он преклоняется, то ли издевается. И в связи с этой зыбкостью огромное знакомство чудодея кишело живыми «монстрами». Отнюдь не менее, а иной раз даже более удивительными, чем его загробные дружбы и интимности.

Так, однажды Макс познакомил меня с интересным господином, у которого была «память наоборот»: он «помнил» не прошлое, но будущее и, не умея рассказывать о вчераш-

нем дне, обстоятельно повествовал в 1905 году, что он «видел» в 1950-м. Другой приятель Макса, «историк»[9], написал двухтомную диссертацию о доисторическом исчезнувшем народе неизвестного имени, племени и времени на основании единственного «памятника» – какого-то костяного набалдашника с резною подписью на языке (предположительно) другого народа, позднейшего, но тоже вымершего доисторически. Был еще историк – Атлантиды, по подлинным летописям ее жрецов, сообщавшихся с автором в сонных видениях[10]. Был композитор-«монофонист», отрицавший в музыке гармонию, контрапункт, мелодическое последование, словом, всякое симфоническое начало – во имя, славу и торжество изобретенного им «разнообразно напрягаемого однозвучия». Прослушав минут двадцать тюканье этого чудака одним пальцем то по одному, то по другому клавишу пианино, то форте, то пиано, я позволил себе заметить маэстро, что его монофония сильно напоминает настройку рояля. Он окинул меня гордым взглядом и возразил с презрением: – Может быть. Но настройщик монофони-

чен бессознательно, а я сознательно. Он ремесленник, а я артист, творец. Он слышит телесным ухом, а я ухом глубин. Поняли?

– Как же не понять, когда хорошо растолкуют!

А Макс сиял, потирая рука об руку, и восклицал возбужденно:

– Это очень интересно!

Все, решительно все было тогда ему «очень интересно», за исключением политики. Отвращение к ней, однако, не помешало ему напечатать в тогдашнем моем «Красном знамени» несколько очень эффектных стихотворений[11]. Но опять-таки, что называется, «не разбери Господи»: одним они показались сверхреволюционными, другим, напротив, контрреволюционными. Вроде пресловутых нынешних «Двенадцати» Блока[12]: в зависимости от того, под каким углом зрения и в каком настроении какой читатель к ним подходит.

* * *

Знакомство Волошина с писателем Александром Валентиновичем Амфитеатровым (1862–1938) состоялось в марте 1905 го-

да. Амфитеатров знал Волошина в «его парижские молодые дни». Воспоминания Амфитеатрова были опубликованы в газете «Сегодня» (Рига) 11 сентября 1932 г. (сообщено составителям Р. Д. Тименчиком).

Текст – по газетной публикации воспоминаний.

Примечания

1

Господин «это очень интересно!» (*франц.*)

[^^^]

2

Островок на Сене перед собором Парижской Богоматери.

[^^^]

О тамплиерах в Париже рассказывала Волошину А. Р. Минцлова. 18 июля 1905 года он записал в дневник ее слова: «Они теперь еще существуют... <...> Во многих церквах есть их знаки» (ИРЛИ). 24 июля того же года Волошин писал Маргарите Сабашниковой о прогулке с Минцловой по Парижу: «На месте казни тамплиеров ее руки помертвели и похолодели» (ИРЛИ).

[^^^]

4

Лекция Волошина «Предвестия и пророчества» впоследствии была опубликована в журнале «Перевал» (1906. N 2) под названием «Пророки и мстители (Предвестия Великой Революции)».

[^^^]

5

Имеется в виду стихотворение Волошина «Ангел мщенья» («Народу русскому: я скорбный Ангел мщенья!..») (1906).

[^^^]

Карточная игра.

[^^^]

Пирлинг Павел (1832–1922) – историк.

[^^^]

В романе А. Амфитеатрова «Вчерашние предки» (1929) выведен граф Зигмунт Стембровский, глава кружка «автофантастов», наделенный некоторыми чертами Волошина.

[^^^]

«Историк» – по-видимому, А. Ле Плонжеон, в 1895 году опубликовавший в Лондоне перевод отрывка рукописи индейцев майя, где якобы повествуется о гибели от землетрясения «земли Му» в 9564 году до н. э. (см. в кн.: Жиров Н. Ф. Атлантида. М., 1964. С. 108). Плонжеон упомянут в статьях Волошина «Картинные выставки» (газета «Новая Русь». Спб., 1909. 5 февраля. N 35) и «Архаизм в русской живописи» (Аполлон. 1909. N 1).

[^^^]

По-видимому, У. Скотт-Эллиот, автор «Истории Атлантиды», вышедшей в 1896 году в Лондоне, а в 1901-м – в Париже.

[^^^]

В журнале «Красное знамя», выходившем в Париже под редакцией Амфитеатрова, были напечатаны стихотворения Волошина «Голова принцессы Ламбаль» и «Ангел мщенья» (1906. N 1).

[^^^]

В упоминании о «пресловутых... „Двенадцати“ Блока» ощущается отзвук тенденциозного, раздраженного восприятия этой поэмы писателем-эмигрантом (после 1920 г. А. Амфиатов эмигрировал из Советской России за границу).

[^^^]